

КАТЕРИНА ЦВИК

ЗНАТНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

ЧАСТЬ 2

16+

The illustration depicts a man in a black tuxedo with a white cravat and a woman with long red hair in a green and yellow floral dress. They are in a library with tall bookshelves. The woman has small wings and is surrounded by glowing blue magical energy. A grey cat sits on a pedestal in the background.

КОРПУЛЕНТНЫЕ
ДОСТОИНСТВА
ИЛИ ЗНАТНЫЙ ПЕРЕПОЛОХ

Будущее принадлежит тем, кто верит в свои мечты

Катерина Цвик

**Корпулентные достоинства, или
Знатный переполох. Часть 2
Серия «Знатный переполох», книга 2**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67866294

SelfPub; 2023

Аннотация

Попала так попала! И тело оказалось с подвохом, и мир встречал не так радужно, как бы того хотелось. Но кто сказал, что девушка из будущего, пусть и альтернативного, не сможет преодолеть преграды на своем пути? Первые шаги уже сделаны! Хотя как шаги? Так, шажочки, но какие! А потому будем и дальше с упорством маленькой, но уже не такой толстенькой белочки прогрызать свой путь в этом мире! Так что берегитесь! Вас ждет знатный переполох!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	39
Глава 4	70
Глава 5	75
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Катерина Цвик

Корпулентные

достоинства, или Знатный

переполох. Часть 2

Глава 1

Наконец-то закончился этот бесконечный бал в честь моих именин! Я бы о них и не вспомнила, потому что даже не представляла, когда этот светлый миг наступил в жизни прежней княжны Евдокии Раевской. Но у меня были родственники, которые обойти этот знаменательный момент ну никак не могли. Хотя я без этого пышного празднества уж точно бы обошлась. На мои потуги отказаться маменька лишь ответила, что мечтала об этом слишком давно, чтобы отказать себе в удовольствии устроить праздник в мою честь. И я могла ее понять. Ведь за предшествующие шесть лет, во время которых это тело, по сути, было овощем, которое уме-ло разве что без конца употреблять пищу в промышленных масштабах, ни о чем подобном не могло идти и речи. Да что там! Общество уже успело похоронить Дусю и лишь сочув-

ствовало столь уважаемому семейству. А тут такой повод в очередной раз заявить, что у их дочери все хорошо, и она, на минуточку, уже в брачном возрасте! По этому поводу мне даже дали выходной от фрейлинских обязанностей, и в гости заявила сама Великая княжна Лизавета!

К моей радости, никакими эксцессами этот вечер не отметился. Не считать же пару трехлитровых банок сцеженного яда, который не преминули оставить «подруги» и «доброжелатели» маменьки и нашего семейства. Разумеется, яд источался в завуалированной форме, как это умеют делать только в высшем свете. Но и мы с маменькой не лыком шиты, потому яд сцеживался, но под кожу не проникал и имел свойство возвращаться обратно.

За проведенное во дворце время я уже успела ко многому притерпеться, обтесаться и кое-чему научиться и теперь неплохо парировала такие выпады, но как же все это было утомительно!

Вошла в свою комнату и, игнорируя горничную и не утруждая себя раздеванием, так и упала в бальном платье на кровать, со стоном стаскивая ногу об ногу свои туфельки. Но они, заразы, не стаскивались, потому что я умудрилась забыть, что они привязаны к щиколоткам лентами! Но даже позлиться толком сил не было. Как же я устала! Оказывается, быть хозяйкой вечера ой как непросто! Хотя маменька и помогала мне в этом нелегком деле. Но пообщаться все хотели именно со мной! Разумеется, кроме не совсем прият-

ных моментов были и радостные. Например, подарков надарили всяких разных, но разбирать их у меня, чувствую, времени не будет совсем. Уже завтра мне надлежало вернуться во дворец, а через пять дней состоятся именины теперь уже царевны, а там и до отъезда недолго.

Я уже собрала волю в кулак, чтобы подняться, как дверь потихоньку отворилась, и ко мне резвой козочкой прискакала моя сводная сестра Марья. Не утруждая себя манерами, она плюхнулась рядом со мной и нагнулась, заглядывая в глаза:

– Ну! Рассказывай! – ее лицо так и светилось предвкушением каких-то грандиозных откровений с моей стороны.

– Ну и что ты хочешь услышать? – я удивленно вздернула брови.

– Как это что? Это же был бал в твою честь! Там ведь и кавалеров тьма было! – начала она вдохновенно вещать. – И, наверное, все сегодня были влюблены в тебя! Вон какое красивое на тебе платье! А маменька даже свои драгоценности разрешила надеть! Как я хотела бы хоть одним глазочком подглядеть, что там происходило! – а потом она насупилась и добавила: – Только меня никто туда не пустил, и даже заглянуть не дали, представляешь?! – воскликнула с изрядной долей обиды и возмущения.

Я перевернулась на бок и подложила под голову руку, чтобы было удобнее общаться.

– Марьяш, ну ты же сама знаешь, что детей на взрослые

балы пускать не принято, а если бы кто-то из гостей застукал тебя за подглядываниями, так мы все стыда бы не обрались!

– Да знаю я... – девочка сгорбилась и начала размахивать ногами, стуча пяточками о мягкий бок кровати. – Но интересно же!

– Ну чего ты насупилась? – я погладила ее по голове, но она ею дернула, сбрасывая мою руку. – У тебя скоро свой бал будет.

Она немного приободрилась, но все равно продолжала злиться:

– Это будет детский бал! Да и тебя там уже не будет! Ука-тишь со своей царевной к черту на кулички...

– Это да, совсем немного не успею, – пригорюнилась и я, – но подарок к десятилетию своей любимой сестренки я все равно оставлю. Поверь, тебе понравится!

Плохое настроение девочки как ветром сдуло, она тут же навалилась на меня сверху в попытках защекотать.

– Расскажи! Ну расскажи, что ты приготовила! А то страшное чудовище Щекотун от тебя не отстанет!

Я не поддалась на столь своеобразные уговоры и в ответ начала щекотать Марью. Мы обе хохотали, не сдерживаясь, но в какой-то момент я поняла, что с девочкой что-то не так. Она на некоторое время застыла, потом ее начало потряхивать мелкой дрожью, взгляд ее ни на чем не фокусировался и был направлен куда-то внутрь себя. Я дико перепугалась. Попыталась потормозить за плечи, но тут же одернула руки,

потому что обожгла пальцы даже сквозь ее одежду!

Дико озираясь в тщетной попытке найти хоть что-то, что сможет объяснить происходящее, я наткнулась взглядом на испуганные глаза Лукерьи, своей горничной, которая, сидя в уголке, ожидала, пока я ее позову.

– Что смотришь?! – будто и сама вела себя иначе, воскликнула я. – Зови князя, врача, да кого угодно! Быстрее! – Сама ж снова повернулась к Марье, покрывало под которой уже дымилось. – Марьяш! Марыюшка! – звала я ее, стараясь унять свою нарастающую панику. Внезапно ее взгляд стал осмысленным, девочка посмотрела на меня с недоумением и испугом. – Милая, что с тобой? – тихо и как можно спокойнее спросила я.

– Не знаю... – жалобно ответила она и протянула ко мне руки.

Мои пальцы еще болели после предыдущего прикосновения, но не подать руки испуганной девочке просто не могла. Сама не знаю как, но в одно мгновение пришло понимание, как сделать щит, чтобы он покрывал руки, словно перчатки. Точно знаю, что такого еще никто не делал, но я очень хотела помочь сестре, а инстинкт самосохранения упорно вопил о защите, которая у меня в следующее мгновение и получилась. Я протянула к девочке руки и подтянула ее к себе, обнимая и растягивая щит на все тело. Девочка немного успокоилась, но в следующее мгновение ни с того ни с сего промокла до нитки! Испугавшись, тут же вспыхнула и оттолкну-

нула меня.

Смотреть на то, как с человека одновременно течет вода и он горит, было странно. Да что там! Все это пахло каким-то безумием. И если бы не знание, что в этом мире вообще-то есть магия, я бы заподозрила себя в том, что у меня что-то не так с головой. Неосознанно я перешла на магическое зрение.

От Марьи валил горячий пар, она вскрикнула, но в следующее мгновение я заметила, как магия жизни начала вплестись в творившуюся вокруг нее вакханалию и не давала причинить ей вреда. Девочка испугалась не на шутку, и апогеем этого страха стало то, что все комнатные цветы разом завяли и почернели, а в магическом зрении стало видно, что энергия их смерти вплетается в то буйство, которое сейчас творилось вокруг Марьи. Глядя на все это, до меня, наконец, начало доходить, что сестра прямо сейчас проходит свою инициацию! Ведь ее десятилетие наступит через пару недель, а как раз в это время обычно инициация и происходит!

Эти мысли немного успокоили. Нечего паниковать, когда помощь гораздо нужнее!

– Марьяш, солнышко, успокойся! Все хорошо! Это просто инициация!

– Что? – с ужасом оглядывая себя и комнату, севшим голосом спросила девочка.

– С тобой все хорошо! – постаралась я проговорить уве-

ренным голосом. – Это просто инициация!

– Но я же горю! – истерично выкрикнула она, глядя на свои руки и от испуга буквально задыхаясь, явно не в состоянии сделать нормальный вдох. – И... вся в воде... И вообще! Чувствую что-то странное!

– С тобой все хорошо! – снова с расстановкой, ловя ее метущийся взгляд, повторила я уже гораздо спокойнее, так как и сама начала в этом уверяться. – Помнишь, какой я была тогда, в саду, когда вокруг меня закручивался огненный смерч?

– А? – девочке явно с трудом удавалось сосредоточиться и сохранять ясность мышления. – Д-да, ты тогда нас сильно напугала.

– Вот! – с радостью подхватила я. – И у тебя то же самое! Только силы у тебя другие, вот и проявляются немного иначе!

– Правда?

Девочка посмотрела на меня с такой надеждой, что безумно сильно захотелось ее обнять и заверить, что все будет хорошо! Только я не была уверена, что сейчас это именно то, что ей нужно, да и магия ее расшалилась не на шутку, и находиться рядом становилось все опаснее.

– Конечно, Марюшка! Тебе только нужно успокоиться и принять изменения. Помнишь, как я тогда разозлилась? – девочка судорожно кивнула, все еще с трудом делая вдохи. – Вот! А когда успокоилась, то и магия во мне улеглась! – По-

тихоньку кружение магических энергий вокруг сестры начало стихать. – Вот так, молодец! – подбодрила ее. – А теперь постарайся дышать ровнее.

Марья неотрывно смотрела мне в глаза и старалась делать все, что я ей говорила. Однако в это мгновение в комнату ворвалась целая толпа людей, начиная от слуг и заканчивая князем, и девочка снова испугалась и заволновалась еще больше. Она вспыхнула с новой силой, а с одежды буквально лилась вода, и обжигающий пар заволок всю комнату. Растения в кадках враз превратились в пепел, ткань и дерево нагрелось и потихоньку начинало тлеть, и лишь Марья оставалась невредимой посреди этого хаоса, защищенная собственной проснувшейся магией жизни.

Но подобное не могло длиться долго, и если не усмирить ее силу, она может выпить своего носителя до доньшка, тем самым лишив его жизни.

В это время вперед протолкался отец и, тут же оценив ситуацию, гаркнул на всех, кто скопился за его спиной:

– Вон! Все вон!

Только маменьку оставил и закрыл дверь. Присутствие родителей сестру почему-то совсем не успокоило, как и их старания поговорить с ней. Князя она побаивалась, а любовь маменьки получила совсем недавно, а потому не успела до конца проникнуться доверием. Было видно, что родители на грани паники и стараются изо всех сил вывести ее из этого опасного состояния. Но тщетно.

Я готова была локти кусать от бессилия, но покусать ближнего казалось более удачной идеей, хоть и неадекватной. А потому я привлекла внимание, ущипнув обоих родителей, взглядом попросила их помолчать и снова заговорила с Марьей, снова умиряя ее страхи, чтобы остановить панику и вернуть возможность делать свободные вдохи, ведь она так и продолжала задыхаться!

Не сразу, но мне это удалось. Когда унялся последний всполох пламени на ее коже, в комнате наступила звенящая тишина. Никто из нас не решался нарушить это молчание. Марья стояла посреди комнаты в прожженном мокром платье с широко раскрытыми глазами и явно не знала, что делать. Я сделала к ней осторожный шаг, и она, словно подхваченная ветром, полетела ко мне в руки и разрыдалась от облегчения и пережитого ужаса. Она цеплялась за мою одежду, плакала и медленно оседала на пол, потому что сил у бедняжки почти не осталось.

Мы так и присели с ней на пол там, где стояли. Я гладила ее по волосам, шептала какие-то слова успокоения и только тогда поняла, как испугалась сама. Меня даже подколачивало немного. В этот момент рядом присела мама и, обняв нас с Марьей, тоже разрыдалась. Я не смогла остаться равнодушной и присоединилась к этому слезоразливу, высвобождая, наконец, скопление пережитых эмоций. Все-таки слезы не зря даны людям, они очищают душу и вымывают скопившийся мусор из страхов, разочарований и обид.

Папенька перед угрозой затопления нашими слезами оказался совершенно растерян и дезориентирован. Он постоял на месте некоторое время, порываясь то что-то сказать, то куда-то бежать. Наконец, подошел к кровати, стянул покрывало и укрыл им всех нас разом – все-таки мы сидели на полу, Марьяшка была вся мокрой, от нее и наша одежда стала сырой, а на улице не месяц май, и в доме не жарко – и просто сел рядом с нами на пол.

Через некоторое время мы все успокоились и просто прижимались друг к другу в некой прострации. Наконец, маменька шмыгнула носом, о чем-то задумалась и спросила:

– Марьюшка, так сколько у тебя видов магии проявилось?

Девочка на это ничего не ответила, потому что умудрила задремать. А потому за нее, стараясь говорить тише, ответила я:

– Я видела магию воды и огня, магию жизни и магию смерти.

– Ммм... – заинтересованно протянула маменька. – Дусенька, а тебе ничего в этом сочетании странным не кажется?

Я задумалась. В тот день, когда я прошла инициацию, мне сказали, что одновременное проявление сразу трех магий, как у меня, очень большая редкость, а четыре появляются лишь у детей монарших особ.

– Эээ... не поняла...

– Вот и я не поняла, – сказала маменька и требовательно уставилась на папеньку. – У царя сестры не было, чтобы ты

ее совратить ухитрился, так каким таким боком у Марьюшки царская кровь объявилась? – последнее она уже почти шипела, так как старалась не повышать голос.

Папенька тяжело вздохнул, виновато потупился и тихо, но твердо признался:

– Марья не моя дочь. – Если бы я на тот момент не сидела, то от такого откровения точно бы начала искать, куда пристроить свои нижние не 90. У маменьки лицо было таким же ошеломленным, как, подозреваю, у меня. Потому что папенька, кинув на нас короткий взгляд, невесело усмехнулся: – Я надеялся, что об этом никто никогда не узнает, но Марья все же пошла в отца, и скрывать теперь не имеет смысла.

– То есть ты вообще не собирался мне ничего и никогда рассказывать? – на глазах маменьки навернулись слезы обиды. Она выпрямила плечи и задрала подбородок. – Почему? Неужели я когда-либо давала повод не доверять мне?

Отец совсем сник, и усталым, но все же непреклонным тоном произнес:

– Марью нужно перенести в ее комнату, переодеть и уложить спать. А там и поговорим. Уж слишком долго рассказывать.

Девочку и правда не мешало уложить в постель, да и не дело обсуждать столь серьезные вещи вот так, сидя на полу и при спящем ребенке.

Так и сделали. Марья почти не просыпалась, пока мы с

маменькой ее переодевали и укладывали, потом быстро переоделись сами, и не прошло и получаса, как собрались у князя в кабинете. Он сидел за столом с задумчивым видом и вертел в пальцах какой-то медальон. Когда мы уселись, он заговорил:

– У меня была сестра... – Он обратился он к жене: – Ты должна ее помнить. – Мама согласно кивнула. – Маша была последышем в нашей семье и гораздо младше меня. Очень красивая и добрая девочка, она стала фрейлиной императрицы. Тогда для правящей четы наступили сложные времена – один за одним у них погибли два сына, и это внесло сильный разлад в их отношения. Император с императрицей очень тяжело переживали утрату, но не вместе... А Маша порхала по дворцу. На нее хотелось смотреть и жить, не заметить ее было невозможно. – князь ненадолго замолчал, погружаясь в воспоминания. – Я те события только сейчас понимать начал, а тогда многого не замечал и не осознавал, – он тяжело вздохнул. – Уж сколько поклонников у нее было – не счесть. А она только смеялась и никому не отдавала предпочтения. Только потом я понял, что в душу ей запал император. Он тогда совсем другим был, сила из него так и шаршила, а это всегда привлекает юных наивных дурочек, какой была и Машенька. Только до нее он с такими юными фрейлинами не связывался. А тут как переклинило обоих. А я не видел ничего! – играя желваками, воскликнул он. – Замечал, что то грустила без причины, то радовалась и всех обнять была

готова. Сейчас понимаю, как она мучилась, что царь ей приглянулся. Ведь и царица с ней по-доброму обходилась, всегда привечала, вот и мучилась девочка. Я долго не верил в сплетни, что ходили по дворцу – непохоже это было на нашего монарха. Только не учел, что он тоже человек и может увлечься. Любовь у него случилась, последняя... А я, старый дурак, не понял ничего, только удивлялся счастью, которое от него исходило, ведь с императрицей-то у них все было со всем худо.

Отец отчего-то надолго замолчал, и маменька, не выдержав, спросила:

– Так как вышло, что о Марье никто до сих пор не знает, и почему Маша не стала официальной фавориткой, раз у венценосной четы все было так плохо?

Отец посмотрел на нее долгим взглядом и, снова уставившись на медальон в своих руках, ответил:

– Все было не так просто... Не для Маши. Дело в том, что императорской чете, тогда как раз сделали удивительный подарок, редчайший эликсир, что изготавливают только в далекой Индии. Как и у всех магически одаренных людей, у императоров могло быть не более двух-трех детей от одной женщины. После гибели царевичей осталась только Лизавета и все сильно переживали по этому поводу. А этот эликсир... Считается, что он может дать женщине возможность забеременеть и родить магу еще одного-двух детей...

Маменька вскрикнула. Видимо, уже все поняла. Я же про-

должала хлопать глазами и ждать разъяснений.

— ...На царя тогда сильно насели, да и царица решила сделать определенные шаги навстречу мужу. В общем, она забеременела. Разумеется, фрейлины узнали об этом первыми. Тогда Маша ко мне и прибежала. Сказала, что не желает разрушать семью и быть камнем преткновения. Я предложил найти хорошего человека и выдать ее замуж. На что она, заливаясь слезами, сообщила, что не видит себя с другим мужчиной и хочет посвятить себя Богу и уйти в монастырь. Я долго пытался ее переубедить, но такие желания игнорировать нельзя. Вот и отправил в Казанский Богородицкий монастырь. Решил, что постриг все равно дело небыстрое, пусть побудет в тиши и уединении, а там, может, одумается. Царь пытался ее на полдороге развернуть, но Маша лишь пожелала ему счастья и отправилась дальше. Никто тогда не знал, что она тоже беременна, а она и не сказала, даже в письмах ни разу не упомянула. Я смог к ней вырваться только в ноябре, а когда приехал, узнал, что она умирает — послеродовая горячка. — Отец прижал ладони к глазам, стирая набежавшие слезы, но быстро взял себя в руки и продолжил: — Меня тогда к ней пустили попрощаться, а она сразу о дочке просить начала. Чтобы я ей имя свое дал и царю ничего не говорил. «Не нужно вносить в его жизнь новый разлад, у них ведь тоже скоро ребеночек родится, да и много ли в том чести, чтобы быть незаконнорожденной? Пусть даже и царской крови. Не хочу я для нее такой судьбы! Поклянись мне,

брат! Поклянись, что о тайне ее рождения никто не узнает, а ты мою девочку своей дочкой объявишь! Поклянись!» – после этих слов отец снова приложил руки к глазам. В наступившей тишине мы с маменькой сидели, как пришибленные, и не могли вымолвить и слова. – Я поклялся. Не мог не поклясться. Она ведь умирала... У меня на руках умирала... Я тогда спросил, как она дочку назвать хочет, а она отчего-то заплакала. Тогда я предложил Машенькой назвать в ее честь. Она головой замотала и попросила, чтобы только не Машей, не нужно ей мамкину судьбу таким именем приманивать. Уж если так хочу, то лучше пусть Марьей будет, имена разные, а звучание схожее. В тот же день Машенька и умерла... Я тогда не знал, что мне делать с маленьким визжащим комочком, что мне вручили монахини. Не знал, как смотреть на этого ребенка и не винить его в смерти любимой сестры, не знал, как сказать, что теперь это моя дочь, не знал, как, не нарушив клятву, признаться собственной жене, что вовсе не отец этому ребенку. Вот и сказал, что ребенок мой. Я позже попытался все как-то объяснить, но ты меня и слушать не стала. Не знаю, как уж и простила...

Не выдержав, маменька встала и подошла к мужу, положила руку ему на голову и погладила, утешая. Он перехватил ее ладошку, поцеловал и прижал к своей щеке:

– ...Я потому и дальше предпочитал молчать, чтобы не теребить раны. Знал, что поступаю неправильно и по отношению к тебе, и по отношению к Марье. Но думал, что уже

поздно что-то менять. Я струсил, впервые в жизни струсил... И если бы не ты, Евдокия, – он посмотрел на меня, – то из-за этой трусости сегодня могло не стать и Марьи. – Его лицо совсем потемнело, он замолчал, а маменька высвободила свою руку и обняла его за плечи.

– А царь? – все же решила узнать я.

– Что царь? – не понял он.

– Он знает, что Марья его дочь?

– Нет. Я тогда его возненавидел. Хотел сделать что-то такое, чтобы отомстить за сестру. И не нашел ничего лучшего, как сдержать собственное слово и не сказать, что у него есть ребенок от любимой женщины. Он ведь и правда ее любил. Сильно... Я это понял в тот момент, когда он после известия о ее смерти враз поседел и с тех пор начал быстро стареть. А уж после того, как царица пятыми родами померла, так и вовсе сдал.

– Но теперь ведь шила в мешке не утаишь.

– Я уже не раз думал об этом. И царя уже давно не виню в тех событиях, – ответил отец. – Но не думаю, что сейчас время для таких новостей, да и не уверен, что кому-то вообще стоит об этом знать. Никаких привилегий это девочке не добавит. А лишние разговоры ей ни к чему.

– Но ведь у нее четыре вида магии, которые она захочет развивать!

С отца станется запретить ей пользоваться магией вообще. А я не могла позволить такому случиться! А потому, по-

ка он снова не включил режим «Я же глава семьи и знаю, как лучше», нужно поднимать этот вопрос и направлять его решение в нужное русло. Маменька, вон, тоже насторожилась.

Отец насупился, явно готовясь сказать, что лучшим вариантом будет запретить девочке пользоваться магией. Я даже могла просчитать ход его мыслей. Мол, подрастет, он ее замуж выдаст за преданного человека, а там мальчики пойдут, которые, скорее всего, один вид магии потеряют, но и с тремя они смогут укрепить род.

– Папенька, вы уже однажды умудрились испортить жизнь этой девочке! И не только ей! Поверьте, маменька до сегодняшнего дня мучилась от того, что вы в любой момент способны на измену. А уж сколько пришлось пережить Марье! Нелюбимый, всеми презираемый ребенок в семье! Я до сих пор не понимаю, как она умудрилась не озлобиться и сохранила веру в людей! И виной всему этому стала ваша трусость! Вы сами только что в этом признались! Так имейте хоть теперь смелость сделать ее жизнь счастливой! Всего-то нужно подумать, как решить эту проблему к всеобщему удовольствию!

Папенька дернул кадыком, насупился и нехорошо на меня посмотрел, усы его встопорщились. Маменька, предвидя грозу, начала гладить его по плечам и сделала мне большие глаза.

«Н-да, что-то я дала лишку. Не нужно было так прямо макать отца в его ошибки. Но если не сейчас, то когда?»

– Простите меня, папенька, – потупилась я. – Мне не следовало так говорить.

После недолгой паузы он произнес:

– Верно, не следовало... – угрюмо ответил, погладил руку жены и продолжил гораздо более спокойным тоном: – Но глупо обижаться на правду. Я и в самом деле принес своей семье немало горя... Но что же ты предлагаешь?

А я подумала, что, несмотря ни на что, мой отец очень сильный человек – не каждый смог бы признаться, что был не прав, и принять критику. Конечно, было видно, что далось ему это нелегко, но ведь далось!

Ожидая моего ответа, он открыл медальон и погладил в нем изображение. После чего протянул его мне. Миниатюра была такой искусной, что я поначалу приняла ее за цветную фотографию. Но здесь прогресс до такого не дошел. Изображенная молоденькая девушка была очень красивой: тонкие черты лица, мягкий овал... Марья сильно была на нее похожа. От отца же ей достался волевой подбородок. Невольно я тоже погладила изображение и, наконец, ответила на вопрос:

– Мне трудно что-то предлагать, надо все обдумать.

– И все же? Ты против того, чтобы она не занималась магией. Значит, нам нужно все рассказать императору. Скорее всего, он ее признает, и станет Марья признанным бастардом. Что дальше? Сейчас вокруг трона и так столько интриг, что мы не успеваем разгрести! Да и царь, как бы хорошо ко мне ни относился, доверять перестанет. Ведь не зря же мы

столько лет прятали бастарда – точно что-то замыслили! И не докажешь никому, что ни о чем таком даже не думали! Все это может больно ударить по нашему роду и по твоей затее с магической гимназией!

Хуже всего, что отец прав. Все вполне могло именно так и повернуться. И тогда я не удивлюсь, если и думать насчет магии не придется: царь запретит ее женщинам, раз уж идея исходила от неблагонадежного источника. Н-да...

– Но у меня ведь три вида магии и никого это особенно не взбудоражило... – начала я размышлять. – Так, может, скажем, что у Марьи их тоже три и один вид просто не будем активно развивать!

– Если бы все было так просто... – устало вздохнул отец. – Только куда ты ее ауру денешь? Если она начнет активно пользоваться магией, то любой одаренный без труда сможет разглядеть, что она маг четырех направлений! Люди с таким редким даром буквально светятся в магическом зрении. И даже если не использовать один вид, это мало что изменит. Неужели ты нашего царя не видела? Хотя сейчас его аура заметно притухла. По Лизавете тоже не сильно что-то понять можно, она ведь магией не пользовалась почти, а в таком случае по ауре можно понять разве что человек является магом. Вот и у Марьи она притухнет, если она сейчас откажется от использования своих способностей. А пока мы ее из дома не выпустим, чтобы никто ничего не заметил. Так что, в сущности, нет у нас никакого выбора. Нет... – грустно за-

кончил он.

Маменька тоже сильно расстроилась и, присев на стул, подперла лоб рукой:

– Ох-ох-охонюшки... Не было печали... – совсем сникла она.

А я посмотрела на их расстроенные лица, представила, как мне придется сказать собственной сестре, что магией ей заниматься нельзя! Потому что нельзя, и все! Представила ее разочарование во всех нас и обиду и поняла, что не могу подобного допустить! Никак не могу! Я же магичка с воображением! Неужели ничего не придумаю?!

– Так! Отставить упаднические настроения! – я встала из-за стола и зашагала по комнате, так как мысли не просто метались в голове, они начали сталкиваться и порождать броуновское движение! И ходьба хоть как-то помогала их структурировать. – Итак, Марья должна заниматься магией! Но при этом никто не должен понять, что она дочь царя! Что для этого нужно? – рассуждала я вслух. – А нужно сделать так, чтобы по ауре никто ничего понять не мог! То есть, нужно ауру спрятать! – потому подумала, нахмурилась и исправились. – Нет, прятать ауру нельзя, иначе это станет еще более подозрительным. Значит, нужно ее замаскировать! – я обернулась к родителям и спросила. – Такие способы известны? – по ошарашенным лицам поняла, что о таком не слышали. – Значит, нет. Ладно... Придется создавать технологию с нуля... – Я закусила ноготь большого пальца и даже его по-

грызла. – Нужно рассуждать логически! Что такое аура? Это энергия человека. Как магия влияет на ауру? Меняет ее за счет магических каналов, которые ее пронизывают. Что даст более сильно выраженное магическое направление? Утолщение канала и его более насыщенное световое свечение в магическом зрении. Вот нам и надо спрятать хотя бы один такой канал от посторонних глаз ... Нет, так вряд ли выйдет... Тогда, может, создать иллюзию другой ауры и наложить поверх? – Я снова задумалась, прикидывая в голове варианты. – Но как можно создать иллюзию на энергетическом уровне? – Поглядев на ошалевшие лица маменьки с папенькой, невольно хохотнула, ощутив непонятный кураж, попахивавший сумасшедшинкой. – Ну и бог с ней со сложностью! Сделаем! Уж если я не смогу додуматься, то Варя точно поможет! Мозги набекрень вывернем, но что-нибудь придумаем! Увидите, Марья будет магичить! Мы ей такой артефакт забабахаем, что любо-дорого!.. Но как это сделать-то?..

Решив, что с родителей достаточно моих размышлений, спешно попрощалась и вышла прочь, прокручивая в голове возможные варианты. А потому лишь краем сознания отметила, как родители переглянулись и недоуменно пожали плечами. Однако было что-то в их взглядах такое, что заставило шестеренки в моей голове крутиться с утроенной силой. Может быть, это была вера в меня?

Глава 2

– Послушай, Дуся, ты бы уже как-нибудь объяснила своему ухажеру, что даже цветы могут начать раздражать, если их уже ставить некуда! – не в первый раз возмущалась Лида.

– Ты же знаешь, что это бесполезно! – ответила я, вспоминая, как отправила первый полученный от англичанина букет обратно.

Посыльный на моих глазах достал внушительные садовые ножницы и раскромсал бедные цветы в считанные мгновения. После чего собрал остатки и, извинившись, вышел. Я тогда даже спросить ничего не успела, настолько была поражена его поведением! Да что там! У меня дар речи вернулся только через минуту! Как раз к тому моменту, как все тот же посыльный приволок еще два букета от того же отправителя. Отсылала их я уже с явной опаской. И не зря. Потому что он снова достал ножницы с определенным намерением повторить предыдущий фокус.

– Стойте! Что вы собираетесь сделать? – поспешила остановить акт вандализма.

Все-таки цветы были очень красивыми. Да и найти розы в середине ноября – не самое простое дело. А тут над ними так издеваются!

– Заказчик дал строгие указания уничтожить букеты на

месте, если вы откажетесь их взять.

– Но это же форменный шантаж! – возмутилась я.

На что посыльный лишь пожал плечами и завел свою пластинку насчет строгих указаний. Но я же кремень! Я скала! Я человек, которого некоторым зарвавшимся манипуляторам не прошибить! В общем, в этот день я терпела издевательств над цветами еще семь раз! Семь долбанных раз! Потому что после каждого моего отказа от букетов их становилось на один больше! Происходи этот беспредел в моем доме, я бы никаких посыльных на порог не пустила! Но дело-то происходило во дворце! Тут уж я не хозяйка. А принцесса, которой стало интересно, чем все это закончится, не спешила приходить мне на помощь. В конечном итоге на этот цирк собралось посмотреть столько людей, что мне ничего не оставалось, как, кипя от негодования, забрать следующие восемь в комнату, которую я делила с Варей.

После подобной эскапады я этого англичанишку перестала на дух не переносить! Что его совершенно не смущало! И он продолжал присылать мне букеты каждый день! И своего-таки добился! Я стала их принимать! Ну не устаивать же во дворце каждый раз очередное представление! И этот... этот... этот нехороший индивид каким-то образом всегда узнавал, если я выбрасывала его веники в мусорное ведро! И тогда не проходило и получаса, как мне доставляли два новых! И ведь жалко же было цветы. Наташе так и вовсе до слез. Она ведь очень трепетно к ним относится. А потому

уже почти две недели я старательно распахивала их по комнатам подруг. Потому что в нашей места не стало после первой же партии. Но стоило мне просто отдать веник, как эта песня начиналась сначала.

И если бы я точно не знала, что таким образом он за мной ухаживает, подумала бы, что он придумал для меня такую вот изошренную пытку. Хотя, может, и стоило еще в первый раз довести все до конца, чтобы извести под корень запасы местных оранжерей раз и навсегда. Но видели бы вы глаза Наташи, когда посыльный уничтожал очередной бутон...

Стоит признать, что думать об англичанине, хотя и в негативном ключе, я стала гораздо чаще, чем мне бы того хотелось. Диму это изрядно бесило, и, по-моему, от вызова соперника на дуэль его останавливало лишь то, что во всем остальном этот лис вел себя по отношению ко мне образцово показательно. Не считать же наши ставшие уже некой традицией пикировки во время танцев. И самое интересное, что я никогда не обещала ему ни одного. Но каким-то неведомым образом он умудрялся украсть его во время бала. И ведь это не я такая странная, что принимаю приглашения неприятного мне человека, а традиция, по которой девушка не может отказаться от танца, если ее больше никто не пригласил, или кавалер, которому этот танец и был обещан, не подошел к нужному времени. То же касалось и самих кавалеров. Уж если пришел на бал, будь добр танцевать, а не подпирать стенку! Иначе тебя сочтут жутко невоспитанным субъектом.

В общем, отношения с графом Френсисом Расселом у нас выстраивались очень своеобразные, что не мешало ему и его дружку все это время очаровывать не только фрейлин, но и замужних дам. Пожалуй, в этом плане твердую оборону держала только наша шестерка фрейлин. К этому времени мужчины умудрились допросить каждую из нас по несколько раз. Но даже от самой наивной и простосердечной Натальи не смогли добиться ничего. Что бы там ни говорили, а при необходимости девушки вполне в состоянии хранить тайны. Особенно, если от этого зависит их будущее. Но все равно мы все старались по возможности лишний раз с полами не разговаривать. Все-таки хороший шпион может выудить нужную ему информацию даже из оговорок.

Принцессу мы защищали от их обаяния как могли. Но ей это было не так уж и нужно. Видимо, ей все же показали записи прослушки, потому что она не спешила отвечать белобрысому англичанину благосклонностью, к брюнетистому же с самого начала относилась прохладно. Однако нет-нет, но я замечала как бы невзначай брошенные ею на этого белого лиса взгляды. И самое паршивое, что он тоже их видел, а потому напор не ослаблял.

– Ты меня слышишь? – снова обратилась ко мне Лида, возвращая мыслями в здесь и сейчас. – Когда уже этот беспредел с цветами закончится?

– Завтра уже именины царевны, а потом максимум неделя – и мы отправимся подальше от двора и всех настырных

типов! Потерпи немного, – немного виновато улыбнулась я, не заметив, что избрала позицию страуса.

– Пф! – раздраженно фыркнула Лида.

И я подумала, что она все же права, и я как-то неправильно реагирую на столь бесцеремонные ухаживания. Это, что же получается? Сейчас он заставляет меня принимать его цветы, а потом таким же макаром протянет свои загребушие ручки к моим достоинствам? Тем самым любимым и все еще немного корпулентным?! А ведь именно этого он хочет! Сама слышала! Вот этими вот ушками! Я даже непроизвольно протянула к ним руки и внутренне закипела. Но от обдумывания кровожадных планов мести меня отвлекли подруги.

– А мне грустно, что совсем скоро вся эта красота исчезнет, – говорила Наталья, дотрагиваясь до распустившихся бутонов.

– Ничего. Ты же все равно все, что можно, засушишь, а потом, если захочешь, сможешь оживить и снова любоваться, – подбодрила подругу Варя и грустно вздохнула.

– Так-то оно так, но...

– Э нет! – тут же встряла предприимчивая Тинико. – Дуся как минимум половину обещала отдать нам на выжимку для духов!

– Как можно такую красоту пускать на какую-то выжимку?! – возмутилась Наташа.

– Что-то это не мешает тебе с удовольствием пользоваться духами нашего производства, – парировала Нанико.

Эта легкая перепалка немного сбила мой воинственный настрой, и я заметила, как Варя отошла к окну и с грустью задумалась о чем-то своем. Подобное поведение мало на нее похоже. И тут я вспомнила, что завтра на балу должен присутствовать князь Багратион! Которого она ждала и в которого была тайно влюблена. Эх, голова моя садовая! Неудивительно, что ей сейчас не до магии и пустых разговоров о цветочках-лепесточках!

Я подошла к подруге и положила ей на плечо руку:

– Завтра важный день?

Она подняла на меня свои большие, казавшиеся сейчас бирюзовыми глаза, и, вздохнув, снова посмотрела в окно.

– Для меня – да.

– У тебя очень красивое платье, ты завтра обязательно его покоришь! – попыталась ее подбодрить.

Она слабо улыбнулась:

– Если бы дело было только в платье...

Да уж, нашей умнице явно не хватает веры в собственное женское обаяние. И надо бы как-то повесить ей самооценку, иначе она так и будет стоять в сторонке и мечтать о герое своих грез. А что может в кратчайшие сроки поднять эту самую самооценку? Небольшой, но принципиально важный апгрейд! По себе знаю, как это здорово – сходить в салон красоты и навести хотя бы небольшой марафет! Я присмотрелась к ней повнимательнее, разглядывая высокий лоб, немного вытянутый овал лица, и поняла, что моей подруге

крайне пойдет челка! Нет, она и сейчас хороша, но с челкой однозначно будет выглядеть чуть старше, что нам в данном случае и нужно.

– А знаешь что? – в предвкушении я потеряла ладошки. – Давай-ка мы вызовем сюда нашу горничную Марфу! Мне говорили, что она лучше всех во дворце умеет обращаться с ножницами!

– Зачем это? – опешила подруга.

– А за надом! – ответила и развернулась ко все еще препиравшимся девчонкам. – Дамы! Сегодня мы будем наводить Варе марафет!

Они на мгновение затихли и уставились на меня. А потом Наташа обиженно спросила:

– А почему Варе?

На этот вопрос ответила Лида:

– Потому что тебе князь Багратион не нравится.

– А при чем здесь Багратион? – не поняла она.

– При том, что он умеет покорять не только вражеские армии, но и девичьи сердца, – положила Лида руку на плечо подруги.

Девчонки тут же послали за горничной, усадили опешившую от напора Варю на стул, распустили ей волосы, и я стала прикладывать ей кончики волос ко лбу так и эдак. На самом деле челки здесь совсем не в ходу. Дамы предпочитали мелко накручивать локоны и пристраивать их у самого лица, оставляя лоб открытым. А потому мои манипуляции

для всех них казались странными. Но с челкой Варе и правда лучше. А потому появившуюся горничную очень быстро взяли в оборот и разъяснили, что от нее требуется.

– Да что же это такое будет?.. – причитала она, стоя с ножницами над зажмурившейся Варей, не решаясь приступить к делу.

Поначалу Варя и сама пыталась с нами спорить и возмущаться произволом. Но после того, как ей поднесли зеркало, и она разглядела, какие перемены я ей предлагаю, согласилась, что не мешало ей нервничать. И я ее очень хорошо понимала. Сама такая: всегда переживаю перед тем, как отдать свои волосы во власть другого человека! Ведь прическа как ничто иное может украсить женщину или подпортить ее природные данные.

– Не волнуйся, Варя! – с оптимизмом подбодрила я. – Если что, волосы – не зубы, отрастут!

И дала знак горничной приступить. Однако испуганные глаза подруги дали понять, что слова я выбрала не совсем те. Но она ничего не сказала, лишь снова зажмурилась, и все вокруг, как по команде, тоже, кроме меня и нашей парикмахерши, конечно. Я коршуном следила за каждым движением ножниц, поправляя, если видела, что горничная делала что-то не то.

Я истратила кучу нервных клеток, а несчастная горничная уходила от нас на подгибающихся от нервного напряжения ногах. Но конечный результат мне понравился! У Вари по-

явилась аккуратная, очень стильная челка, переходившая в каскадную стрижку у лица. В глазах девушки светились надежда, предвкушение и толика страха.

– Я тоже хочу такую челку! – внезапно заявила Наташа.

Лида смерила ее придирчивым взглядом:

– Тебе не пойдет.

– Как это не пойдет?

Но я прервала зарождавшуюся перепалку на корню:

– Девочки, где зеркало? Дайте его сюда скорее!

И, как по волшебству, оно тут же оказалось в руках у Вэри. Я с замиранием сердца следила за ее реакцией. А когда она счастливо улыбнулась, у меня отлегло от сердца. Понравилось! А значит, самооценка нашей умницы просто обязана подняться! Чего я и добивалась! А уж о том, чтобы свести этих двоих на балу, мы с девочками позаботимся!

Почему-то в этот момент вспомнилась другая пара, о которой я, к своему стыду, постоянно забывала – граф Резанов и Кончита Консепсьон. Но я утешала себя тем, что сделала для них все возможное. Ведь не далее, как на следующий день после празднования своего дня рождения и инициации сестренки, мне удалось поговорить с папенькой и упротить его походатайствовать за эту пару перед Императором.

– Евдокия, зачем тебе это? – с неподдельным недоумением спросил отец, и мне пришлось отвечать как можно более правдиво, потому что вопрос слишком важен, чтобы лгать.

– Просто я знаю, что иначе один из них погибнет, а другая так и останется одинокой.

– Откуда ты вообще можешь знать о... – тут отец осекся, глядя в мои умолявшие глаза и, прикрыв на мгновение свои, продолжил: – Понятно, что опять ничего с тобой не понятно. Но я исполню твою просьбу. Тем более такому человеку, как граф Резанов, помочь не зазорно.

Я с радостным визгом повисла на шее папеньки, а он явно не ожидал подобного яркого выражения чувств, а потому немного смутился, но явно остался доволен, что ему удалось меня порадовать. Я счастливой горной козочкой – хочется верить, что уже именно козочкой, а не коровочкой – выскочила из его кабинета и увидела Марью, выходившую из библиотеки. Я удивилась, что она там по утрам забыла, но вспомнила, что после инициации родители сделали ей несколько дней выходных от занятий.

– Марьюшка! – позвала ее. – Ты-то мне и нужна.

– Ой, а я думала, что ты уже во дворец укатила, – заулыбалась она.

– Чуть позже поеду, ничего там без меня не случится за пол дня. Пошли ко мне в комнату. В честь твоей инициации я хочу сделать тебе подарок!

– Подарок? – ее глаза сделались большими-большими.

– Ну да! Хотела тебе на именины его подарить, но повод представился раньше, – я подхватила ее под руку. – Но не волнуйся, на твой день рождения будет еще презент!

Марья взвизгнула от радости и сначала повисла у меня на шее, а потом устремилась вперед так, что я еле за ней поспевала.

У меня в комнате мы оказались быстро. Чтобы не томить ребенка, я тут же прошла к туалетному столику, на котором оставила перевязанную красным атласным бантом коробку. Девочка с благоговением протянула руки, а я только сейчас поняла, что ее до этого нечасто баловали подарками. И поставила себе в голове зарубку делать ей сюрпризы чаще. Марья присела на кушетку, аккуратно развязала бант и открыла коробку. Внутри на подложке из мягкой ткани лежали несколько футляров. Сестра вопросительно и азартно на меня глянула и открыла один. В нем лежала серебряная цепочка с кулоном в виде чуть распустившегося бутона розы, украшенного розовыми камнями.

– Это не обычный кулон, а защитный амулет. На внутренней его стороне выведены руны, которые защитят тебя от любой физической и ментальной атаки. Только после таких атак – не дай бог, чтобы они вообще случились! – его нужно подзаряжать магической энергией. Хотя благодаря вот этим розовым камешкам это можно не делать довольно долго.

Девочка тут же надела цепочку и повертелась перед зеркалом. А потом вернулась к не распакованным подаркам. Во втором футляре она нашла сережки с такими же розочками.

– Это тебе на будущее, когда проколешь уши, – я улыбнулась в ответ на ее восхищенный взгляд. – Это тоже не совсем обычные украшения. Благодаря им я всегда смогу узнать, где ты находишься.

– Зачем это? – удивилась она.

– Не знаю, – я пожала плечами, – но решила, что это не помешает.

– Спасибо... Сережки просто чудо!

– Мне тоже нравятся. Давай, открывай последний футляр.

Мне нетерпелось увидеть ее реакцию – в последней коробочке лежало семь шпилек с наверху из самых настоящих живых розочек, по эскизу которых и были выполнены кулон и серьги.

– Они... живые?! – удивилась девочка, аккуратно дотрагиваясь до лепестков.

– Да, живые. Но не обычные, а магические! Если хочешь, чтобы они всегда оставались такими, нужно каждые полгода подзаряжать их своей магией, направляя энергию вот в эту небольшую руну, – я перевернула шпильку.

– Но ведь они еще и пахнут! – она вдохнула слабый аромат. – Какой же приятный!

– На самом деле это подарок от всей нашей компании. Мы все трудились над ним. Мы с Варей наносили руны. Наташа позаботилась о цветах, а Нанико, Тинико и Лидия поработали над ароматом. Они создали его специально для те-

бя. А Лидия позаботилась о том, чтобы он помогал расположить к тебе людей. Он не заставит недоброжелателей относиться к тебе лучше, но поспособствует увидеть твои положительные стороны.

— Спасибо... — почему-то прошептала Марья, благоговейно сжимая в руках шпильку. — Я даже не догадывалась, что запах может на что-то влиять!

— Ты даже не представляешь, на что он способен! — улыбаясь, я погладила ее по голове. — Посмотри, там внутри между шпильками лежит флакончик с этими духами.

Марья аккуратно положила розочку в футляр, погладила пальцами обнаруженный флакончик и тут же вскочила и обняла меня.

— Спасибо-спасибо-спасибо! Как же я вам всем благодарна! Это не подарок, а настоящее сокровище!

— Инициация бывает раз в жизни! И я очень рада, что тебе все понравилось! Я обязательно передам это девочкам!

Вот таким вот заковыристым путем мои мысли снова перескочили на цветы, потом на бал, а после и на аглицкого лиса, которого не мешало бы проучить.

Девчонки в это время все еще восхищались челкой Варвары и вертели ее волосы так и эдак, примеривая различные варианты причесок.

— Лида, — позвала я подругу, отвлекая, — кажется, знаю, как сделать, чтобы щелкнуть кое-кого по носу и заставить

пересмотреть свои взгляды на ухаживания.

– Как? Неужели Евдокия Поликарповна решила все-таки выйти на тропу войны?

– Ну... – протянула я. – Думаю, пока на полноценную войну замахиваться не стоит, а вот проучить вполне возможно.

– Тогда я в деле! Что нужно делать? – с азартом спросила девушка.

– Эй, вы о чем там шепчетесь? – подошла к нам Тинико.

– Да вот, Дуся замыслила кое-кого проучить...

И я не удивилась, что в следующее мгновение все девушки выказали желание поучаствовать в небольшой авантюре. Этот бал обещал стать очень интересным!

Глава 3

Это был удивительный вечер! Все пространство вокруг дворца украсили стеклянными фонариками, которые заставляли недавно выпавший снежок искриться мириадами бриллиантовых брызг. Уже на подъезде к дворцу все проникалось удивительной сказочной атмосферой вечера. Весь дворец был украшен цветами и благоухал удивительными ароматами. И я не без гордости могла сказать, что мы с девочками приложили к этому руки. Кроме всего прочего, Наталья специально к этому вечеру вырастила в больших кадках в императорской оранжерее кустарники в виде мифических животных, которые расцвели прекрасными цветами под взглядами собравшихся гостей. Мы с Варей сделали стационарные щиты, на которых изобразили огоньками и магически закрепили изображения царевны, царской четы и просто орнаменты. Эти щиты, словно ширмы, были расставлены по залам и причудливо делили некоторые из них. Особенно мы оторвались с одним из залов, где нам предоставили место под временный зимний сад. Мы соорудили там целый лабиринт из щитов и растений, которые свисали даже с потолка! Наталья добилась того, чтобы пол сплошным ковром покрывал магически модифицированный плющ. Он обладал такой прочностью, что будь даже на местных дамах каблу-

ки-шпильки, не повредили бы его. При этом на ощупь листики были мягкими, и мне хотелось пройтись по живому ковру босиком. Этот плющ оплетал и стены, отчего создавалось полное ощущение летнего сада!

Поначалу в главном зале долго поздравляли великую княжну и дарили ей подарки, а затем выступил балет. В прошлой жизни я им не интересовалась, и сейчас была в полном восторге. Глядя на гибкие тонкие тела танцовщиц и их стройные ножки, понимала мужчин, которые теряли из-за них голову. Вспомнить хотя бы Матильду Кшесинскую, артистку балета, по которой в свое время с ума члены Российского Императорского дома, и которая со временем вышла-таки за одного из них замуж и даже стала светлейшей княгиней.

А потом был бал. Дима, по уже сложившейся традиции, первым пригласил меня на танец.

– Евдокия, вы сегодня прекрасны как никогда!

– А вы все льстите, – улыбнулась я.

– В моих словах нет и капли лести... – парировал он. – И это меня беспокоит... – добавил Заславский неожиданно. Я лишь вопросительно приподняла на этот пассаж брови. – Количество ваших поклонников растет день ото дня, а некоторые даже умудряются доставлять вам беспокойство. Я бы с удовольствием разогнал всех, но боюсь, что вы за это не скажете мне спасибо. А вызывать кого-либо на дуэль без веской причины не в моих правилах. Хотя очень хочется.

– В этом вы совершенно правы! – поспешила заверить. –
Такому человеку, как вы, вовсе не нужна слава бретера. К
тому же император не поощряет дуэли ни в каком виде.

В этот момент мы в танце приблизились друг к другу почти вплотную, и он сильнее сжал мои пальцы.

– Евдокия, как бы я хотел, чтобы нас связывало нечто большее, чем просто дружба! Чтобы я на законных основаниях мог защищать вашу честь!

Я растерялась. Это что, был толстый намек, что в скором времени мне стоит ожидать сватовства? Нет! Мне пока рано! Да и девочки не поймут! Мы же договаривались, что пока не устроим свою гимназию, ни о каких замужествах и речи не будет! Но ответить Диме что-то нужно. Вон как напряженно за мной следит!

– Знаете, Дмитрий, я в некоторой мере верю в судьбу... – многозначительно на него посмотрела и обошла вокруг в фигуре танца. – И она ведет меня по пути магии. Вы как никто другой это знаете. Так вот... Любая официальная защита сейчас может лишь удлинить этот путь. Хотя это не значит, что в других обстоятельствах я бы отказалась от вашей защиты. Я тешу себя надеждой, что вы этих обстоятельств сумеете дождаться.

Вот это я завернула! Даже если бы полдня думала, не смогла бы сказать лучше. Но стоит быть перед собой честной: я бы за такого мужчину хоть сейчас замуж пошла! Все-таки, как ни крути, а я сейчас невеста неудобная, даже скан-

дальная: и магией занимаюсь, и других девочек хочу ей обучать. А он вместо того, чтобы держаться подальше, всегда готов подставить плечо, дать совет и помочь на деле. Какой же он хороший, мой Димочка! Так бы и расцеловала!

Но вместо этого улыбнулась Заславскому... и отдала ему большой палец.

– Простите... – проблеяла виновато.

Однако моя оплошность лишь подняла ему настроение.

– Ну что вы, Евдокия! Теперь я точно уверен, что вам безразличен.

– Это вы как определили?

Он загадочно улыбнулся, но ничего не ответил. Так и разошлись в фигуре этого бесконечного танца. А когда наши руки снова встретились, я заговорила совсем о другом.

– Дима, мне нужна ваша помощь.

Он сразу подобрался:

– Конечно, Дусенька, всегда рад помочь!

– Ну, – я сделала вид, что смутилась, – помощь нужна не совсем мне...

– Вашим подругам, – догадался он.

– Подруге. Вы ведь сегодня уже общались с князем Багратионом? Не могли бы невзначай подвести его к нашей компании и познакомить?

– Я постараюсь исполнить вашу просьбу в ближайшее время, – улыбнулся он.

– Спасибо. – Танец завершился, и последнюю фразу я до-

бавила уже, когда он вел меня к фрейлинам. – И не обращайтесь внимания на мои действия, связанные с графом Расселом. Девушка имеет право на маленькую месть.

Князь лишь вопросительно на меня посмотрел, но мы уже были не одни, и он откланялся.

– Ну и как? – спросила Лида, прикрывая лицо веером.

– Операция «Багратион» запущена! – тихо ответила ей.

Однако Дима с Багратионом все никак к нам не подходили, зато пред наши очи предстали аглицкие лисы. Мы с девочками незаметно переглянулись. Англичане дружно нам поклонились и завели светскую беседу, явно пытаясь вызнать о нас побольше. Ведь весть о том, что убранством дворца отчасти занимались мы, уже разлетелась среди гостей. Скрывать этого не имело смысла. Наоборот, нужно было потихоньку приучать общество к тому, что женщины вполне успешно могут пользоваться магией в мирных целях, делая, как минимум, мир красивее.

– Дамы, мы поражены вашими талантами! Неужели этот все вы? – блондин красноречиво развел руками.

– Ну что вы?! – отозвалась Лидия. – Лишь малая часть заслуги принадлежит нам. Но мы очень старались! Особенно хотелось впечатлить вас! – с придыханием добавила она.

Лида настойчиво продолжала отыгрывать полную дурочку, которая от него без ума. Однако эта дурочка почему-то ни в какую не желала выбалтывать ничего хоть сколько-нибудь стоящего, упорно переводя все стрелки на персону бе-

лобрысого. Что его бесило неимоверно, но он прятал свои эмоции. Да разве ж такие всплески спрячешь от менталиста? Да и наедине с ним она почему-то оставаться никак не соглашалась! И даже до этого самовлюбленного хлыща уже доходило, что над ним элементарно издеваются. От чего он злился еще больше, но вывести девушку на чистую воду никак не мог. В общем, Лида отжигала по полной.

– И все же, – вступил в разговор граф Рассел, – говорят, что все цветочные украшения – ваших рук дело, как и тот умопомрачительный зал с зимним садом.

– Не скрою, мы приложили к этому руку, – ответила я.

– Всегда знал, что все женщины любят цветы, – он смотрел только на меня.

Граф, к моему удовольствию, сам вырулил на нужную тему, даже придумывать ничего не пришлось.

– О да! – мило улыбнулась я. – Только, знаете ли, подаренные цветы должны приносить радость, а ваши, признаюсь, с каждым днем раздражают все больше.

– Мне горько слышать подобные слова, – почти искренне расстроился он.

Только вот он так расстраивался каждый раз, когда я в той или иной форме говорила ему об этом, но цветы присылал каждый день.

– Боюсь, что если бы вам и правда было горько, то с вашего лица не сходила бы соответствующая гримаса, а вы ничего, ходите, улыбаетесь. Поэтому я вам не верю.

– К черту цветы! – тут же соорудил он еще более грустное выражение. – Ваше недоверие ранит меня в самое сердце!

– Разве можно так говорить о цветах? – прибавила я в голосе драматичности. – А доверять вам... Хотя... Граф, у меня есть к вам предложение... Нет, правильнее будет сказать – пари! – я оживилась, будто идея только что пришла мне в голову.

– Пари? – удивился он. – Как интересно. И что же вы предлагаете, Евдокия... Поликарповна.

А я внутренне усмехнулась. Научила ведь обращаться к себе по имени отчеству! А то в первый же день чуть ли не на Дусеньку перешел. Хлыщ заграничный!

– Давайте договоримся так: если вы целый вечер сможете проносить у себя на лацкане бутоньерку, то я, так и быть, пойду с вами на свидание, но если нет... – я стрельнула в него глазками. – Вы перестанете досаждать мне цветами и вообще забудете о моей скромной персоне.

В глазах мужчины читался явный вопрос. Он чувствовал подвох, но не мог понять, в чем он кроется.

– А если цветок сам по себе осыплется к концу вечера или ненароком оторвется с лацкана?

Я изобразила на лице тень недовольства его прозорливостью.

– А мы сделаем так, что цветок не просто не осыплется, он не завянет еще неделю! – наивно хлопая ресничками, заявила Наташа. – Я это могу, правда, девочки? – Мы все за-

кивали. Она тут же достала откуда-то бутон и сунула прямо под нос графу, он скривился. – Что, не нравится запах? – построила расстроенную мордашку девушка. – Тогда вы сами можете выбрать приглянувшийся вам бутон.

Граф был обескуражен, но быстро собрался и нашел в ближайшем букете подходящий цветок. Осторожный, гад. Только наш цветочек свое дело уже сделал.

– А у меня как раз есть подходящая иголочка, чтобы приколоть его. Поверьте, он сможет оторваться, только если вы сами решите его снять!

Я достала припрятанную совершенно обычную с виду иголочку, которую заговорила еще вчера. К слову, идею о заговорах подал мне все тот же Сережка, которого я пристроила во дворец пажом.

Наташа взяла из рук графа цветок и укрепила его магией – теперь его разве что растоптать можно, а повредить случайно никак – и передала цветок мне. Я подошла к брюнетистому лису и под его недоверчивым взглядом приколола бутон. После чего мужчина пригласил меня на танец. И я даже ни капли не удивилась, что кавалера, которому этот танец был заранее обещан, рядом не оказалось.

Почти весь танец прошел молча, посол явно не понимал в чем подвох, искал и не находил, хотя своих лисьим носом его чуял. Но что он мог там учуять? Если все запахи ему отбил так неаккуратно сунутый в нос цветочек.

– Евдокия Поликарповна, я не понимаю... – наконец, не

выдержал он. — Это слишком легкое испытание...

— А вы не думали, что я просто захотела сходить с вами на свидание? — я заглянула ему в глаза и многообещающе улыбнулась, после чего скромно потупилась. Его челюсть отвисла, но лишь на секунду. Не ожидал он от меня такой резкой капитуляции, ох не ожидал. Что ж, не буду его разочаровывать. — Но раз вы считаете, что все слишком просто... — я положила в бутон маленький шарик. — Вот, — и послала точечный магический импульс, который проколол воздушную защиту содержимого шарика. В это время танец подошел к концу, партнер возвращал меня подругам, а потому магической манипуляции с моей стороны не заметил, лишь то, что я что-то положила в бутон. Только он уже вряд ли что-то там сможет найти... — Надеюсь, граф, вы справитесь со столь легкой задачей, — призывно улыбнувшись, я попрощалась.

Граф не знал и даже не догадывался, что подаренный ему цветочек начал источать еле заметный неприятный запах, который стараниями наших замечательных парфюмеров от магии с каждой минутой становился все сильнее. Да и откуда он мог об этом узнать, если обоняние мы ему предусмотрительно отбили?

Граф Рассел только что закончил второй танец после того, как пообщался с Евдокией. Его не оставляло чувство какой-то подставы с ее стороны, хотя мысли о том, как он про-

ведет с ней свидание, знатно будоражили кровь. Он не сомневался, что сумеет выиграть это глупое пари. Но вот понять, откуда ждать подвоха, никак не мог и лишь чаще обычного косился на аккуратную бутоньерку, которая прочно закрепилась на лацкане его парадного камзола. Даже назойливая графиня Снежина, с которой он танцевал сразу после Евдокии, не смогла ее отодрать, хотя очень хотела, старая фетишистка.

И от чего, спрашивается, всегда льнущая к нему княгиня Успенская так спешно попрощалась с ним после танца? Даже не бросила парочку неприличных намеков в своем стиле... Никаких больных мозолей он ей отдавить не мог, а информатором о делах муженька она была хоть и плохоньким, но все же...

Следующую даму пригласить ему было не суждено. Такое впечатление, что стоило ему подойти к очередной группке, как она тут же волшебным образом рассеивалась. Не приглашать же снова Снежину... Она того и гляди решит еще что-нибудь оторвать с его камзола.

Постояв в нерешительности несколько секунд, он направился к знакомой компании мужчин. Там он заметил и князя Багратиона. Это было удачной неожиданностью, не мешало бы потереться с ним рядом и познакомиться поближе. Он читал в донесении, что князь – человек умный и целеустремленный, хороший тактик и стратег. А задача графа Рассела как раз и состояла в том, чтобы освободить Российскую

империю от таких людей. К себе его вряд ли удастся переманить – не тот это человек. Но вот очернить каким-либо способом перед правящей династией вполне возможно. Есть у него черта, которой грех не воспользоваться: он слишком доверчив, если дело касалось его друзей и близких.

К удивлению, не успел граф дойти до компании пары шагов, как все, как по команде, повернулись в его сторону и, переглянувшись и не сговариваясь, направились в противоположную от него сторону. Рассел застыл на месте, не зная что делать. Не бегать же ему следом, право слово...

В этот момент от компании отделился знакомый аристократ, остановился, не доходя до него нескольких шагов и, потерев кончик носа, посоветовал:

– Граф, это, конечно, не мое дело. Но вам бы не мешало посетить уборную и проверить, в чем вы испачкались, – виновато улыбнувшись, доброжелатель отправился за своими друзьями.

Граф почувствовал себя оплёванным, и если бы не то, что он слишком растерялся от такого заявления, да и этот русский аристократишка уже успел испариться, то вызвал бы его на дуэль немедленно! Сказать такое! Да как он посмел даже намекнуть, что от него воняет?!

На всякий случай граф принялся, даже зачем-то поднес рукав к носу. Но совершенно ничего не почувствовал. Эта русская свинья еще ответит ему за оскорбление! А пока нужно найти Ричарда. Может, хоть он в курсе, что вокруг

творится и отчего все от него шарахаются.

Он нашел друга взглядом и, пока не начался очередной танец, направился к нему через зал, полный людей. Так откровенно от него еще никогда не шарахались! А сопровождавшие его продвижение шепотки и смешки начали неимоверно бесить! А он даже не догадывался, что стало причиной такого отношения, и это делало его движения резкими и дергаными.

Приближение Френсиса друг почувствовал даже стоя спиной, потому что еще за несколько шагов до его подхода обернулся с брезгливой миной на лице, после чего его брови удивленно поползли вверх:

– Ричард, можно тебя на минутку... – натягивая на лицо улыбку, позвал благоухающий брюнет.

Опомнившись, блондин подхватил друга под руку и буквально потянул к ближайшему уединенному уголку. Где прежде, чем что-то сказать, прижал рукав к носу и вдохнул воздух через него.

– Френсис, из какой выгребной ямы ты вылез?!

– Что?! – взвился граф. – Какая яма! Ричард, от меня все шарахаются! Что происходит!

– А ты что, не чувствуешь, какое от тебя исходит амбре? – Блондин дышал ртом, потому что выдержать натиск запаха носом уже не мог. – Нет? – увидел он ответ по лицу друга. – Да меня сейчас вырвет! А ты ничего не чувствуешь?!

– В том-то и дело, что ничего! – зашипел разозленный до

крайней степени граф.

– Черт! Да к этому запаху даже привыкаться невозможно, кажется, что он только сильнее становится! Сейчас глаза щипать начнет! А ты ничего не чувствуешь?! – Играющие желваки друга и полный бешенства взгляд были ему ответом. – Ладно, идем в уборную. Может, хоть там разберемся, что к чему.

Приятель вдруг увидел стоявшую рядом вазу с цветами и, достав розу, почти с блаженством вдохнул ее аромат. А Френсиса словно молнией прошибло. Как в замедленной съемке, он посмотрел на бутоньерку и, медленно поднимая глаза, даже не ища Раевскую, встретился с ней взглядом. Та многозначительно приподняла бровь и сделала салют бокалом шампанского. В ее глазах не было насмешки, скорее, она ожидала его следующего шага. Холодное бешенство заволокло разум, и граф, ухватившись за подаренную бутоньерку, сорвал ее с себя и, кинув под ноги, раздавил одним движением. Бедной розочке не помогла никакая магия.

Евдокия на это лишь демонстративно вздохнула, развела руками и помахала ему ручкой, мол, пока-пока. Это взбесило мужчину окончательно, он только сейчас понял, что выиграть пари у этой чертовки шансов просто не имел.

– Эй, ты чего? – позвал его Ричард.

– Отойдем немного отсюда, – он взял друга под руку и отвел на приличное расстояние от раздавленного бутона. Запах почти сразу исчез, но воспоминания о нем никак не мог-

ли покинуть блондина.

– Так это тот безобидный цветочек так вонял? – неподдельно изумился он.

– Да... Подарочек от Дусеньки! – словно выплюнул Френсис.

Ричард иронично произнес:

– Кто бы мог подумать?.. А я тебе говорил: не доставай девушку цветами!

– Магичка, хренова!.. – скривился граф.

– Я бы на твоём месте ещё спасибо ей сказал, – подхватив бокал шампанского у проходившего мимо официанта, возразил Ричард.

– За что? – подобное замечание немного остудило голову.

– За то, что наградила тебя запахом помоев, а не дерьма. Этот случай, конечно, забудется ещё нескоро, но поверь: кличка «грязнуля» гораздо лучше, чем «засранец» или «дерьмоед».

Наконец-то! С каким же удовлетворением я сделала этому наглому лису ручкой! Теперь он просто обязан от меня отвязаться! Это не XXI век, когда такие пари не принимаются всерьёз. Здесь соблюсти его условия – дело чести!

Признаться, я испытала некоторое злорадное удовлетворение, когда от него начали все шарахаться, но длилось это не долго. Никогда не любила издеваться над людьми, пусть даже они оттоптали мне большую мозоль. Но другого выхода в данном случае у меня просто не было. Нормальных слов

граф не понимал, а терпеть над собой такое вот утонченное издевательство я не намерена. Вот и оставалось бедной беззащитной магичке отстаивать свои интересы таким замысловатым способом.

Конечно, тут я утрирую. Не такая уж я и беззащитная. При желании вполне могла натравить на брюнета Диму. Только кому нужна дуэль с непредвиденным исходом? Рисковать Заславским я не собиралась. Это только в книгах красиво звучит «Он дрался за нее на дуэли». А в жизни я поседею, пока до этой самой дуэли дойдет. Ведь на кону человеческая жизнь! И даже Френсису смерти я никогда не желала. Да, временами он был навязчив, не понимал слова «нет», да, был шпионом и вообще редиской, но при этом в нем есть что-то располагающее, и совсем негодяем он тоже не был. Так почему я должна желать его смерти?

Вот и сейчас я была рада не унижению шпиона, которому мне пришлось его подвергнуть, а тому, что достигла цели. А еще глубоко в душе мне было стыдно, ведь теперь при дворе его будут звать не иначе, как вонючкой, и в этом повинна я... Но к черту рефлексию.

К нам как раз подходил Дима в компании князя Багратиона. Князь отличался высоким ростом, курчавой темной шевелюрой и внушительным носом. Пожалуй, назвать его красивым могла только такая влюбленная в него особа, как Варя. Однако было в нем нечто, что привлекало внимание и заставляло в первую очередь видеть его пронизательные тем-

ные глаза и сильную, притягательную личность.

– Девушки, позвольте вам представить князя Петра Ивановича Багратиона, – начал беседу Дима.

Мы в ответ представились и протянули ему руки для поцелуя. Варя оказалась последней, а потому, когда до нее дошла очередь, проговорила:

– Петр Иванович, надеюсь, меня вам представлять не нужно? – и кокетливо улыбнулась, глядя на него из-под ресниц.

Она выглядела так мило и располагающе, что рука князя, которую он протянул к ее, дрогнула. Багратион на несколько мгновений замешкался, а потом с удивлением признал-таки свою старую знакомую.

– Варвара Ильинична? Неужели это вы? Признаться, с нашей последней встречи вы повзрослели!

– Неужели вы наконец-то это заметили? – в несвойственной для себя манере ответила девушка.

– Вы не оставили мне шанса, – нашелся князь и поцеловал, наконец, ее пальчики.

В этот момент Лида начала быстрее обмахиваться веером:

– Сегодня в зале так душно! Да еще некоторые господа умудряются так благоухать, что не знаешь, как не лишиться чувств! Нашей Варваре Ильиничне совсем недавно и вовсе пришлось нюхательную соль предложить, чтобы она не упала в обморок прямо в зале.

Варя удивленно посмотрела на подругу, ведь подобных проблем у нее никогда не возникало.

– Да-да! – тут же подхватила Тинико. – Посмотрите, она до сих пор не пришла в себя, совсем побледнела!

– Варечка, тебе так нехорошо? – сочувственно подхватила Нанико. – Может, тебе нужно выйти на свежий воздух?

Девушка совсем растерялась. Но главный фигурант, для которого разыгрывалось представление, продолжал тормозить. Толстокожий вояка! Отвык на войне общаться с дамами. А Заславский сразу просек, к чему все эти женские «жу-жу».

– Евдокия Поликарповна, вы тоже побледнели. В зале и правда слишком много народу, и духота становится невыносимой. Не желаете ли немного прогуляться? Да хоть в созданный вами зимний сад? А Петр Иванович, думаю, с удовольствием проводит туда Варвару Ильиничну, чтобы она могла немного отдохнуть?..

– О! С удовольствием, Дмитрий Максимович! – отозвалась я.

– Буду безмерно рад, если составите мне компанию, – подхватил и Багратион, протягивая Варе руку.

Так мы и отправились прочь из зала. А в импровизированном саду незаметно разошлись в разные стороны лабиринта. И щеки Вари на момент расставания были далеко не бледными, а ее сопровождающий выглядел задумчивым.

– А вы коварны, Евдокия, – хитро улыбнулся Дима, когда мы остались наедине. – Так наказать несчастного англичанина!

– Может, вы хотите его пожать? – вздернула я брови.

– Что вы?! Это было просто феерично! Пожалуй, более изящного способа избавиться от этого шпиона и представить сложно! И я очень удивлюсь, если он задержится у нас при дворе. Еще бы как-то выжить и второго... – улыбнулся он мечтательно.

– Не мне вам рассказывать, что на его место тут же пришлют другого, и не факт, что он будет менее опасен.

Князь вздохнул и улыбнулся:

– Все-то вы понимаете, Евдокия. Но помечтать-то можно? – Я улыбнулась. Но тут он достал свои часы и недовольно скривился: – Евдокия, вы не против, если мы вернемся в главный зал?

– Дела? – понимающе спросила.

– Дела. Будь они неладны! – подтвердил.

Но дойти вместе до бального зала нам было не суждено, потому что уже на полдороге его перехватил слуга с поручением, и на бумаге, которую протянул Заславскому, была изображена корона. Диме ничего не оставалось, как извиниться и немедленно следовать за слугой, хотя он и порывался сначала довести меня до подруг. Но я заверила его, что вполне в состоянии дойти сама.

Об этих словах пожалела довольно быстро. Потому что не успела пройти и десятка шагов, как навстречу вышел Френсис Рассел и встал у меня на пути. Я растерялась и даже немного испугалась. Но вовремя вспомнила, что шла не по

темному малопосещаемому коридору, а потому обернулась в поисках гуляющих или хотя бы слуг. К удивлению, коридор оказался совершенно пуст. Я снова посмотрела на графа, который все это время молчал и смотрел на меня нечитаемым взглядом.

– Нам нужно поговорить, Евдокия, – наконец, произнес он.

– Нам не о чем разговаривать! – вздернула я подбородок, ощущая, как начинают поддрагивать поджилки. – К тому же вы проиграли пари и обязаны оставить меня в покое!

– Не бойтесь меня, – грустно и мрачно констатировал он. – Я просто хочу поговорить.

В этот момент в конце коридора слышались шаги. Я обернулась и в следующую секунду оказалась прижата к мужской груди с зажатым чужой ладонью ртом, а потом и вообще втащена в комнату, из которой вышел этот гад. От испуга я совершенно забыла, что могу использовать заклинания. Я пыталась лягаться, мычать, кусаться, но вырваться не получилось. Я начала задыхаться от нехватки воздуха, что поначалу подстегнуло панику. Но в какой-то момент мне, наконец, удалось расслышать слова, которые мужчина не первый раз повторял прямо мне в ухо:

– Евдокия, успокойтесь! Я не причиню вам вреда! Нам просто нужно поговорить! – Я затихла в его руках. Сердце продолжало быстро стучать, колотясь о ребра, но паника успокаивалась, и я, наконец, смогла мыслить здраво. Муж-

чина за спиной тоже дышал тяжело. Видимо, моя борьба с ним и ему далась нелегко. – Вы готовы меня выслушать? – «А что мне остается?» – хотелось съязвить, но я лишь кивнула. – Прошу вас не кричать, – он очень медленно отнял ладонь от моего рта.

– Отпустите! – дернулась, ощущая его стальную хватку на талии.

– Только если вы пообещаете не вылетать отсюда с криком о помощи, а все же немного со мной поговорите.

А я подумала, что если бы он и правда хотел причинить мне вред, то уже бы это сделал. Смысл всех этих переговоров, если птичка и так попала в расставленные силки? Был, конечно, вариант, что он просто решил поиграться со мной, как кошка с мышкой. Но в его стиле была, скорее, вот такая вот принудительная кража для разговора, чем воображаемые мной кошачьи игры. Поэтому я решила его выслушать. Да и, признаться, не к месту выиграло женское любопытство.

– Хорошо, граф, я готова поговорить.

На одно краткое мгновение, за которое я даже не успела испугаться, он чуть сильнее прижал меня к себе и отпустил. Не веря своему счастью, я обернулась и, встретившись с его потемневшим взглядом, предпочла отскочить на приличное расстояние.

– Неужели я так вам неприятен? – скривил он губы.

– Я бы сказала, что вы слишком непредсказуемы, – ответила так, чтобы не нагнетать и без того нервную обстановку,

и осмотрелась, стараясь не терять его из поля зрения. Только сейчас я поняла, что мы оказались в одной из гостевых комнат. В ней царил полумрак, который развеивал свет лишь одного канделябра. Я, как могла, пригладила растрепавшиеся волосы и снова посмотрела на мужчину, который не сводил с меня взгляда. – Ну? – нервно спросила. – Я вас слушаю.

Граф заговорил не сразу. Для начала он прошел к небольшому столику, налил себе немного воды из графина и отпил.

– Евдокия, не желаете ли тоже немного воды?

Я посмотрела на него, на графин, невольно сглотнула набежавшую слюну и поняла, что зверски хочу пить! Паническая атака не прошла даром. Только вот вдруг он тоже решил меня сегодня удивить какой-нибудь пакостью? А потому, подумав, собралась отказаться. Он будто угадал ход моих мыслей, усмехнулся, улыбнувшись лишь краешком губ, и проговорил:

– Поверьте, вода совершенно безопасна и не содержит никаких примесей. Признаться, до сегодняшнего дня я даже не предполагал, что цветы можно использовать, чтобы так изощренно отомстить...

Я уже двинулась к столу с графином, но после его последних слов застыла на месте:

– Вы считаете, у меня не было повода? – ошетибилась я.

– Признаться, я никогда не думал, что цветы от поклонника могут стать тем поводом, который станет причиной ослабить человека на весь двор.

– Вы прекрасно знаете, что дело вовсе не в цветах! – воскликнула возмущенно.

Его брови в удивлении взметнулись вверх, но взгляд оставался таким же холодным и мрачным.

– Тогда в чем же? – крутя в руке стакан, спросил он.

– В том, что вы не понимаете слова «нет»! Вы ведь даже не задумались о том, как я выгляжу со стороны, когда вынуждена принимать ваши знаки внимания, и все об этом прекрасно знают! Не задумывались, как я себя при этом чувствую! Не задумывались, что такие подарки ничего, кроме отторжения, вызвать не могут! Не задумывались, что, глядя на эти цветы, я думаю о том, что сейчас вы навязали мне их, завтра навяжете еще что-нибудь, а послезавтра и себя! Не оставив мне при этом выбора! Даже сейчас вы поступили точно так же: просто навязали мне свое общество и этот разговор! А я не марионетка! И так как простых слов вы не понимаете, а я не раз говорила вам о своем неприятии такого поведения, мне пришлось использовать женские хитрости! И не вам меня в этом винить!

Сказав это, я решительно подошла к столу и, налив себе в стакан воды, выпила. После чего воинственно уставилась на этого брюнетистого гада!

На несколько долгих минут в комнате повисла давящая тишина. Было видно, что мужчина что-то напряженно обдумывал:

– Простите, Евдокия, – наконец, тихо попросил, опустив

взгляд. От чего все мое возмущение как-то сразу схлынуло. — Я правда думал, что вы просто, как говорят русские, ломаетесь, — он сделал ко мне шаг и заговорил еще тише и проникновеннее: — Я ведь представлял, как вы, разнеженная, лежите в окружении этих цветов, вдыхаете их аромат, думаете обо мне, и мягкие лепестки касаются вашей обнаженной кожи... — он протянул руку, чтобы погладить мою щеку.

Я от таких откровений поначалу опешила, но вовремя опомнилась и отступила на шаг:

— Знаете, Френсис, я вас, наверное, удивлю, но у роз, которые вы мне присылали, очень много острых шипов, и если бы я улеглась на подаренное вами богатство, то последнее, что ощутила бы — это мягкость лепестков. Но если вы так настаиваете, то я бы с удовольствием усадила на подобное ложе вас. Поверьте, ваш крик порадовал бы всех окрестных кумушек. И кажется мне, что это был бы отнюдь не стон страсти.

Некоторое время он напряженно всматривался в мое лицо, а потом запрокинул голову и расхохотался:

— Евдокия, вы неподражаемы! Неужели вы напрочь лишены романтики?

— Вас это может удивить, но романтика в моем представлении должна хоть как-то соотноситься с практичностью. Поверьте, если ваш голый зад познакомится хотя бы с одним шипом, вы тут же примете мою точку зрения. — Заинтересованный мужской взгляд почему-то метнулся к моим вторым пока еще не девяносто. — Не обольщайтесь, я такой дурью

никогда не страдала.

– Евдокия, чем больше я с вами общаюсь, тем больше убеждаюсь, что хотел бы свести с вами более близкое знакомство. Но вы упорно не даете мне и шанса! Почему? Я же вижу, что вы сразу имели в отношении меня некоторое предубеждение.

– Что, вам уже не хочется со мной покататься за ароматическую атаку? – решила я соскочить с темы личных отношений.

– Хм... звучит неплохо: ароматическая атака... – Он задумчиво отпил несколько глотков. – Но нет, не хочу. Вы довольно доходчиво объяснили мотивы этого поступка. Хотя, признаюсь, поначалу я собственноручно хотел вцепиться в вашу нежную шейку. До сих пор руки чешутся...

– И я могу вас понять, – улыбнулась. – Но все же советовала бы вам держать руки при себе.

– Евдокия, почему же вы так настойчиво отталкиваете любые мои ухаживания? – он смотрел пристально, изучающе.

И ведь не отцепится же! Но не говорить же ему, что я знаю, что он шпион! Но намекнуть, пожалуй, могу.

– Потому что вы тот, кто вы есть, Фрэнсис. И нам не по пути.

Он пристально на меня посмотрел:

– Вы правы, Евдокия, мы те, кто мы есть, но что мешает нам встать на один путь? – медленно проговорил он.

Это что же, вербовка?

– Может быть, то, что если эти пути соединяться, то я перестану быть собой, а для меня это недопустимо?

Граф хотел еще что-то сказать, и даже снова сделал ко мне шаг, но в этот момент дверь в комнату со стуком отворилась. И в появившийся проем влетели мои подруги, быстро осмотрели нас и, переглянувшись, молча принялись быстро зажигать все имеющиеся в комнате свечи. Наташа метнулась ко мне, поправила прическу и чинно уселась на кушетку. Мы с англичанином лишь недоуменно переглядывались в полном ошеломлении.

– Девочки, что происходит?

– Сейчас сама узнаешь, – ответила Варя недовольно, зажигая последнюю свечу.

А в следующее мгновение двери комнаты снова распахнулись, и на пороге возникла Гофмейстрина в сопровождении блондинистого лиса и целого выводка фрейлин, на лицах которых было написано явное злорадство, которое при виде нашей компании сменилось досадой. Там же мелькнуло и лицо Лиды, на котором озабоченность сменилась облегчением. Немая пауза затягивалась.

– Что здесь происходит? – раздавшийся за спинами всех голос словно отпустил некую пружину, и все загомонили разом. А в комнату вошел Его Императорское Величество в сопровождении князя Заславского. Я бросила уничижительный взгляд на brunetистого лиса. А ведь я почти поверила в его благородство! И если бы не мои подруги, то быть мне

ославленной на весь белый свет! Он же смотрел вовсе не на меня, а на своего друга. И было в этом взгляде что-то такое, что я предпочла сделать несколько шагов прочь. Наконец, царь не выдержал этого гама и немного повысил голос: – Молчать! Графиня Оболенская, может, хоть вы сможете мне разъяснить, что здесь происходит?

Гофмейстрина отчего-то зарумянилась, но отвечать не торопилась. Царь продолжал смотреть на нее требовательным взглядом, и она, глянув искоса на блондинистого англичанина, наконец, ответила:

– Нам стало известно, что одна из фрейлин Ее Высочества в этой комнате занимается неподобающими вещами с мужчиной, – дама совсем раскраснелась и начала обмахиваться веером.

Я снова перевела испепеляющий взгляд на графа Рассела, но он не выглядел виноватым, наоборот, смотрел на меня открыто, чуть поджав губы, будто хотел что-то объяснить, но сдерживался. Тогда, прищурившись, я посмотрела на его дружка, и по его холеной роже поняла, кто закрутил эту интригу.

– И что же? Грехопадение подтвердилось? – без капли интереса спросил монарх.

Гофмейстрина замялась:

– Нет, ваше Императорское Величество!

– Получается, на девушку был совершен навет? – поинтересовался Заславский, нехорошо поглядывая то на меня, то

на графа Рассела.

– Получается, что так... – с неохотой ответила дама.

Мне же оставалось только радоваться, что за все это время моего имени так и не прозвучало.

– И кто же был тем человеком, который посмел очернить девичью честь?

Ой... Ой-ой-ой-ой... Вот только дуэлей не хватало! Я непроизвольно прижала к груди руки. Графиня растерянно оглянулась, упираясь взглядом в графа Вудвилла, но затем перевела его на свою племянницу, ту самую фрейлину, что совсем недавно утверждала, будто у нее с Заславским все так серьезно, что он ее даже со своим сыном познакомил.

– Так... Вот... – и указала на нее рукой, виновато и растерянно пожав плечами.

Девушка покраснела, побледнела, а потом и вовсе предпочла бухнуться в обморок прямо в руки графа Вудвилла. Император на это лишь нервно махнул и рукой и сказал, разворачиваясь и выходя прочь:

– Графиня, разберитесь, наконец, в своей вотчине! Право слово, подобное поведение недопустимо!

Н-да... А шпион-то работает как надо. Не сам подставил-ся, а нашел через кого передать нужную информацию. Только как получилось, что девочки нашли меня раньше этой развеселой компании?

Гофмейстрина смирila всех присутствующих раздраженным взглядом и начала распоряжаться, чтобы привести де-

вушку в чувство. Я же наклонилась к самому уху Вари, которая как раз ко мне подошла, и спросила:

– Что это было?

– Это я хочу у тебя спросить: как ты оказалась наедине с этим гусем? – прошипела она в ответ, не переставая делать озабоченное лицо и поглядывать в сторону бесчувственной девушки. – Но это ты нам потом расскажешь. Тут же целая история завертелась... Оказалось, что Заславского к Императору никто не вызывал! Он вернулся в бальный зал, а тебя там нет! Он к нам. Мы ничего поначалу не поняли – ты же с ним ушла! Значит, должна была с ним и вернуться, а он ухитрился тебя потерять. Мы вспомнили о маячке в твоих серьгах. Я тут же отслеживающий амулет достала, и мы к тебе отправились. Только как раз в это время заметили, что к выходу из зала идет возмущенная Гофмейстрина с этим блондинчиком под руку. Заславского, как назло, император остановил. Вот мы Лиду наперерез им и пустили. Близняшки давно заметили, что Рассела в зале нет, а потому ваше отсутствие и оживление второго англичанина соотнести было несложно. И даже если бы мы ошиблись, то ничего худого от нашей предусмотрительности не случилось бы. Так вот, пока Лида их отвлекала, мы поспешили, куда указывал маяк, а тут ты... с этим...

Пока Варя мне все это на пределе слышимости рассказывала, девушка пришла в себя и начала божиться, что никого очернить не хотела. А в нашу сторону начали поглядывать с

возрастающим интересом. Ждали, что же я на это отвечу. А я ничего отвечать не хотела. Устала за этот вечер, и не столько физически, как эмоционально.

– Спасибо вам большое, девочки! – искренне прошептала, обращаясь к подругам. Пожалуй, я до конца пойму размер той попы, от которой они меня уберегли, чуть позже. Сейчас же я просто громко проговорила: – Я рада, что все разрешилось благополучно, и надеюсь, что недоразумение останется в прошлом.

– Ты чего? – тут же зашипела прямо в ухо Тинико. – Спустишь ей подобное?

Я на это лишь слабо улыбнулась. Не объяснять же прямо сейчас, что виновник этой интриги совершенно другой человек. А то, что эта дура ухватилась за повод устранить соперницу... Так пусть Гофмейстрина сама решает, что делать со своей племянницей и ее хотелками, раз такая поборница нравственности! А я устала! И вообще, в душе поселилась какая-то иррациональная обида непонятно на кого, хотелось поскорее скрыться от этих взглядов и лиц и остаться наедине с собой и своими мыслями. А потому я поклонилась графине и испросила разрешение покинуть их развеселую компанию.

Фрэнсис был страшно зол. Евдокия, так и не взглянув напоследок в его сторону, ушла, за ней и все остальные. Не остался даже его друг, которому граф оказался обязан

столь отвратительным окончанием вечера – понял ведь, что останься сейчас, обычной отповедью не отделался бы.

И ведь Френсис смог бы расположить к себе эту недотрогу. Он чувствовал, что смог бы! Все они одинаковые, даже если поначалу колючие! Зато в постели такие – огонь! Уж он бы показал этой девочке, что такое чувственные наслаждения. А потом... Потом, так и быть, отдал бы попорченное яблочко ее ухажеру, той еще занозе в заднице.

Мужчина с отвращением посмотрел на графин с водой. Кто только догадался здесь его оставить? Неужели нельзя было поставить что-нибудь покрепче? Сейчас ему очень хотелось выпить что-нибудь такое, чтобы огненной волной прошло по горлу и прочистило мозг.

И чего он, собственно, так распереживался из-за какой-то бабы? Сейчас нужно думать не о ней, а о том, как выбраться из отвратительной ситуации, в которую она, эта баба, его загнала! Он с силой сжал кулаки и просмотрел невидящим взглядом в окно.

Это же надо так попасть! Он – мозг их маленькой группы – так неосмотрительно подставился! Правильно говорят эти русские: все беды от баб! Это же надо придумать: ароматическая атака! Как звучит, а? А на деле он такой подлянки даже вообразить не мог! Эх, но какова, а? И что теперь делать? А ничего! Все, что мог сделать, уже сделал, и ничего не остается, как покинуть Россию в самое ближайшее время.

Но Евдокия...

В этот момент граф услышал, как кто-то открыл дверь и вошел в комнату. Видимо, Ричард все же вернулся. Надо же, не побоялся... Однако раздавшийся рядом голос вовсе не принадлежал его другу:

– Граф Рассел, сегодня ваши действия могли привести к очень неприятным последствиям для одной известной особы. Я многое спускал вам в отношении нее до этого. Но впредь попрошу вас к ней не приближаться... – так спокойно, что у графа пробежали мурашки по спине, проговорил князь Заславский. – Поверьте, вам не захочется узнать, что вас ожидает в противном случае.

– Вы мне угрожаете? – ноздри мужчины раздулись.

– Я вас предупреждаю.

Спокойствие и уверенность в глазах этого русского окончательно выбесили англичанина.

– Эта девка не стоит того, чтобы...

Договорить он не успел. Потому что Заславский как будто только этого и ждал и сразу почти без замаха, но резко сильно ударил его в челюсть. Граф, не ожидавший такого, не устоял на ногах и упал на столик, где стоял злополучный графин с водой, а потом и вовсе повалился на пол. Он всегда считал себя крепким мужчиной, но после этого удара оправился не сразу, ошалело трясая головой с намокшими волосами и пытаясь найти взглядом этого русского медведя.

– Очень надеюсь, граф, что вы меня слышали, – так же спокойно проговорил князь и, чеканя шаг, вышел прочь.

Глава 4

Столицу мы покинули уже через три дня. Землю как раз хорошо подморозило и немного припорошило снегом. Подобная поспешность была вызвана хорошей ясной погодой, что стояла уже целую неделю! Мы планировали успеть проделать как можно больший путь до того, как погода испортится. А если Бог даст, то и доехать до места.

Марья очень хотела поехать с нами, но я опасалась брать ее с собой. Все-таки мы собирались развивать дар царевны, и она могла понять лишнее. Но я рассчитывала, кроме всего прочего, потратить зимние месяцы на исследования, связанные с аурой. И очень надеялась, что они увенчаются успехом, и я смогу помочь своей сестричке спрятать не предназначенное для чужих глаз. В эту историю я посвятила только Варю, и она обещала помочь. Я не рассказала всем остальным не потому, что не доверяла. Просто была уверена, что чем меньше людей посвящены в тайну рождения Марьи, тем лучше. Сама я боялась не справиться со столь сложной задачей.

Сережку пришлось взять с собой. Не хотелось оставлять его одного во дворце. Да и паж он мой, поэтому должен следовать за своей госпожой. Он за последние полгода знатно подрос и окреп, да и писал не в пример красивее меня. Как

ни странно, но и в том мире не отличавшийся каллиграфической красотой почерк остался при мне, а использование перьев и чернил не способствовало его улучшению. А потому любые, даже самые маленькие записки, занимали у меня кучу времени! Но я старалась!

Проводить нас в путь, казалось, собралось полдвора! И это только те, кому нельзя было отказать! Бедной царевне хотели пожелать удачи буквально все! Блондинистый англичанин, кстати, тоже засветился и даже поглядывал на меня с тщательно скрываемой злостью. Он не отлипал от девушки довольно долго, но его-таки оттерли, и мы с девочками вздохнули чуть свободнее.

Князь Долгорукий не упустил шанс попрощаться с Лидией, с которой у них складывались довольно своеобразные отношения. Он все еще не мог определиться, чего же хочет от своей спутницы. С одной стороны, ему нравился независимый нрав девушки и ее стремление познавать новое, и магию в частности. А с другой – его все еще мучили предрасудки, которые постоянно нашептывали ему на ухо о том, что женщине не пристало баловаться магией и демонстрировать столь широкий кругозор. Лиду это знатно бесило, а потому князь периодически попадал в немилость. Что не мешало обоим наслаждаться проведенными вместе часами, когда наступало очередное перемирие. Во всем же остальном они были просто созданы друг для друга. И мне казалось, что как только мужчина поймет, что девушка для него важ-

нее предрассудков, а Лида простит ему эти шатания, из них выйдет замечательная пара.

У Шуйского с Наташей все было даже слишком хорошо. Ему нравилось в девушке решительно все! И даже ее увлечение магией воспринималось почти благосклонно. По крайней мере, открыто выражать свое неодобрение, если оно и было, он не решался. Он в обществе Наташи просто млел и готов был слушать из ее уст что угодно. По-моему, он даже не всегда осознавал, что она ему говорила, просто получая удовольствие от звучания голоса девушки. И если бы не наш отъезд с царевной, то князьям Гориным уже в ближайшее время нужно было бы ждать сватов. Хотя было у меня стойкое ощущение, что даже отъезд девушки не помешает Шуйскому провести переговоры с родителями будущей невесты. Наташа тоже по уши влюблена в молодого офицера. Только как бы легкомысленно девушка ни выглядела и что бы ни чувствовала, но для себя решила четко: замуж не выйдет, пока точно не будет знать, что ее будущий муж не против того, чтобы она занималась магией! Ну и о гимназии забывать тоже не стоило. О чем она уже не раз говорила своим родителям. Возможно, тем подобные рассуждения и не нравились. Только они, как и родители всех моих подруг, входили в неофициальный клан Раевских, а глава клана дал им всем понять, что женская магия сейчас в приоритете.

Меня же умудрился лично усадить в сани Заславский. Он в который раз уверил, что будет ждать и скучать и расцело-

вал ручки, обжигая взглядом, полным тоски. Мне тоже было жаль с ним расставаться. Да что там! Хотелось кинуться на шею и стоять так, прижавшись к его надежной груди, и не отпускать! А еще хотелось, наконец, окончательно сбросить с себя оковы прошлого и довериться этому мужчине. Разрешить себе отдаться чувствам с головой! И все это обязательно будет... Только чуть позже. А потому сейчас я просто смотрела в его глаза и тоже обещала очень скучать.

Англичанин так и не появился. Дима рассказал, что он тоже собирается в скором времени отбыть прочь. Общество не забудет ему такого промаха с запахом, который мы ему обеспечили. Но, как ни странно, тот случай помог выявить несколько подкупленных чиновников в самом близком кругу императора. Все-таки написать записку Заславскому от имени монарха, да так, чтобы он не увидел подвоха, могли очень немногие. Видимо, слишком сильно моя эскапада задела шпиона, раз он не пожалел задействовать такие рычаги.

Но больше всего меня удивило, что сестер Гургенидзе пришли провожать мои рыжие оболтусы – братья! Даже ради такого дела выхлопотали в академии увольнительные! А это не так просто!

Конечно, были и другие желающие проститься, но вышеперечисленные мужчины сумели обставить дело так, что за их спинами было очень сложно кого-то еще заметить.

Варя же упорно искала взглядом Багратиона. Искала и не находила... И в этот момент мне хотелось лично найти это-

го горе-вояку и придушить! Чтобы знал, как расстраивать такую девушку! Но уже почти на самой окраине города нас нагнала небольшая кавалькада, которую возглавлял сам полководец. Он поздоровался со всеми нами и вручил Варе довольно внушительную коробку.

– Мне жаль, что я опоздал к вашему отъезду! Задержали непредвиденные обстоятельства. Варвара Ильинична, прошу, примите от меня этот небольшой подарок! Надеюсь, он вам пригодится, и вы хоть иногда будете вспоминать грубого вояку, в сердце которого оставили неизгладимый след.

Надо было видеть лицо Вари. Столько в нем перемешалось чувств и эмоций. У нее даже слезы на глазах выступили, и она быстро-быстро заморгала, чтобы не дать им пролиться.

– Спасибо, князь, – она прижала коробку к груди. – Поверьте, я о вас не забуду...

Он сопровождал нас еще с час, а потом все же попрощался и отправился обратно. Я не удержалась и отправила-таки ему вслед небольшую огненную искорку. Чтобы каждый раз, когда присаживался, не забывал, что никакие неотложные дела не стоят слез одной замечательной во всех отношениях девушки. И не подумайте, я не злая! Просто нужно же было и ему оставить какой-нибудь подарочек. Вот я и решила, что ему не помешает такой вот небольшой стимулятор памяти.

Глава 5

Время летело незаметно. Кажется, еще вчера мы выезжали из дворца, а уже сегодня шли на утреннее торжественное богослужение в небольшой храм в честь Рождества Христова. Сегодня старый граф Бехтеев решил устроить для нас настоящие гуляния. Мы попали к нему в поместье сразу после посещения монастыря, в котором с Ее Высочеством целых три дня молились о здоровье царя. Еще задолго до нашего приезда здесь было решено разместить нашу экспериментальную школу, и сюда заранее были отправлены наши учителя и челядь с вещами.

Перекрестившись перед входом в церковь, мы, наконец, ее покинули и расселись в сани, которые покатали за околицу деревни, что находилась близ поместья графа.

Нас встретили с песнями и плясками, веселым задором, который присущ русскому народу. И было что-то во всем этом такое заразительное, что мы буквально сразу прониклись неповторимой атмосферой народных гуляний. А уж когда граф объявил, что распорядился выдать каждому селянину по рождественскому подарку, в который входит сладкий пряник и денежка, праздник и вовсе завертелся с новой силой.

Вчера часть деревенских приходили в поместье графа и

веселили нас колядными песнями и прибаутками, которые нет-нет да звучали еще и сегодня.

Потом было катание с горок, горячий чай со сладостями на свежем воздухе, какие-то скоморохи с милым медвежонком, к которому мы все же подойти так и не решились, и много мелочей, которые делают праздник праздником. Особенно мне понравился бродячий кукольный театр, в котором звездой был бессменный Петрушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.